

С. М. Бурлака

Духовный путь М. В. Юдиной

М. В. Юдина (1899–1970) вошла в историю русской культуры XX века как всемирно известная пианистка, педагог и музыкальный деятель. Менее известны обстоятельства ее духовной и церковной судьбы. Однако будучи чрезвычайно цельной личностью, Мария Вениаминовна не мыслила эти сферы своей жизни в отрыве друг от друга. В своем единстве они составляют то, что может быть названо «духовным путем» личности, позволившим ей в условиях тотального идеологического давления сформировать себя, оказать духовное сопротивление разразившейся в стране «антропологической катастрофе». В статье рассматриваются основные вехи этого пути: поиск и обретение веры, церковная жизнь и поиски ответов на духовные вопросы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, исповедничество, музыка, культура, духовничество, память, противостояние.

Поиск веры и жизни по вере

Мария Юдина родилась и выросла в еврейской семье земского врача Вениамина Гавриловича и Раисы Яковлевны Юдиных в уездном городе Невель Витебской губернии в 1899 г. Семья являла собой типичный пример интеллигентной еврейской семьи, сосредоточенной на служении людям, но утратившей религиозные корни. Уклад еврейской, но нерелигиозной семьи породил в ней гуманистическое отношение к страдающему человеку, готовность к жертвенному служению на благо ближних. Однако подобного рода запросы чаще всего в эти годы приводили еврейскую молодежь в революционные движения. На этом фоне внутреннее развитие М. Юдиной оказывается более сходно с поисками тех представителей русской интеллигенции, которые в начале XX в. совершили решительный переход от марксизма к идеализму и открыли для себя возможность внутреннего революционного обновления жизни через христианство.

Записи о своих духовных исканиях 17-летняя Мария Юдина ведет в личном дневнике, в котором она помещает «лишь большие мысли, ведущие к свету» [Юдина. *Дневник*, 24]. Первая

краткая запись от 30 августа 1916 г. сделана в Петрограде, куда Юдина приехала для получения образования в Петроградской консерватории. Уже в этой первой записи Мария Вениаминовна формулирует один из фундаментальных принципов, определивших всю ее дальнейшую жизнь: «Я знаю один лишь путь к Богу: чрез искусство. <...> Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, что есть и другие дороги. Но чувствую, что мне доступен лишь этот; все Божественное, духовное впервые явилось мне чрез искусство, чрез одну ветвь его — музыку» [Юдина. *Дневник*, 25]. Этим ясным и четким осознанием своего призвания обозначено начало духовного пути. Знаменательно, что даже в таком юном возрасте она оказалась способна почувствовать силу этого призвания, но при этом трезвенно определить место музыки в мире и свое место в «цепи искусства». Музыка с самого начала воспринимается ею не как самодостаточная ценность, но как путь богопознания: «Это мое призвание! — записывает она в дневнике. — Я верю в него и в силу свою в нем. Я должна вечно и неизменно идти по пути духовных созерцаний, собирать себя для просветления, которое придет однажды. В этом смысл моей жизни здесь; я — звено в цепи искусства» [Юдина. *Дневник*, 25]. В дальнейшем, в ситуациях, когда Юдина оказывалась перед выбором между возможностью творческой деятельности и стремлением исповедовать свою веру, она сохраняла верность внутренней системе ценностей и приоритетов, что, начиная с 1930 г., приводило к прямым гонениям. В 1930 г. она была изгнана из Ленинградской консерватории, в 1940 г. из Московской, а в 1960 г. из института им. Гнесиных, с 1963 г. ее лишили возможности выступать во всех концертных залах страны. Этот мораторий длился в течение 3 лет.

Начало духовного пути Юдиной было связано с попыткой разрешить важнейший для богоискательски настроенной интеллигенции начала XX в. вопрос о соотношении веры и разума. Формирование ее мировоззрения происходит благодаря многообразному чтению, включавшему произведения известных философов, широкий круг русской и зарубежной поэзии (прежде всего, поэзия Пушкина, Тютчева и Вяч. Иванова), богословие, труды отцов церкви и русских религиозных мыслителей.

Среди трудов по философии, прочитанных в эти годы, в дневнике упоминаются работы по истории древней философии, «Метафизика в древней Греции» князя Трубецкого, труды Гегеля,

Фихте, Куно Фишера, Лейбница, Спинозы, Бэкона, Локка, Беркли, Юма, Канта, Шопенгауэра.

Обретаемая вера не только определяет мировоззрение Марии Вениаминовны, но нуждается и в воплощении в практической жизни. Возможно, именно поэтому ее особенно интересуют проблемы этики. В дневнике М. В. Юдина составляет перечень тем для изучения, среди которых: этическое начало в человеке, его зависимость от религии; этика первобытная, языческая, иудейская, христианская. Она отмечает существенное влияние христианского благовестия на нравственное сознание людей. «Если этика зависит от религии, то нравственная жизнь до и после христианской эпохи должна существенно отличаться, то есть сообразно их основной внутренней разнице» [Юдина. Дневник, 46].

Серьезное влияние на мировоззрение Юдиной оказали также Владимир Соловьев и свящ. Павел Флоренский. В дневнике она отмечала: «Я пережила нечто удивительное, читая “Духовные основы жизни” Владимира Соловьева. Глава о молитве — это святая книга» [Юдина. Дневник, 44]. Возможно, именно размышления Соловьева о молитве вызвали интерес Марии к храмовому богослужению. В 1917 г. она писала: «молиться, молиться в храме, при мерцании тысяч свечей, при дивном святом пении, о, как хочу я общей большой христианской молитвы. Господи Боже, дай мне силы на подвиг здесь». В дневнике она переписывает тексты церковных молитв: «Отче наш», Символ веры, молитву святого Фомы Аквинского.

К чтению трудов о. Павла Флоренского Мария Юдина обращалась не только в период обучения в консерватории, но и на протяжении всей своей жизни. Она изучала «Столп и утверждение истины» и другие его работы. Сохранились рукописные пометки Марии Юдиной в издании «Столпа...». Именно в трудах о. Павла Флоренского Юдина находит разрешение важнейшего вопроса о соотношении веры и разума в «живом религиозном опыте, как единственном законном способе познания догматов»; о подлинности веры, воплощенной в практику жизни:

Истинная жизнь в Православии, ибо в католицизме и протестантизме она заменяется понятием — в первом — каноническим, во втором — научным. *Православие показуемо, а не доказуемо* [Юдина. Дневник, 48] (курсив М. В. Юдиной. — С. Б.).

Эти слова она пыталась воплощать в течение всей своей жизни.

Интеллектуальный и духовный труд в области изучения философии и христианской мысли подготовили Марию Юдину к встрече со своими первыми собеседниками и учителями. Родной город Невель стал для нее местом встречи и общения с выдающимися людьми, существенным образом повлиявшими на становление ее мировоззрения и выбор дальнейшего пути. Так, в 1918 г. Мария Юдина познакомилась с философом М. М. Бахтиным (1895–1975 гг.), приехавшим в Невель, чтобы спастись от голода. Дружбу с ним она сохранила на протяжении всей жизни. Во время длительных прогулок в окрестностях Невеля Бахтин излагал Юдиной начатки своей нравственной философии. Важнейшей задачей бахтинской философии стала проблема объединения двух миров — мира культуры и мира жизни человека, проблема ответственности человека за факт своего бытия. Согласно трактовке Бахтина, долг каждого человека — признать свою «единственность» и претворить в жизнь ответственным поступком, которым должна стать жизнь каждого отдельного человека.

Итогом обретения, осознания и воплощения в жизни христианской веры стало таинство крещения, которое состоялось 2 мая 1919 г. в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице в Петрограде. О подготовке к крещению Мария Вениаминовна почти не писала, по крайней мере ее размышления об этом до нас почти не дошли. В письме к о. Герасиму (Прокофьеву), описывая свой жизненный путь, коротко она отмечает: «Я крестилась из еврейства в Православие девятнадцати лет в 1919 году» [Юдина. *Нереальность зла*, 199]. Крестной матерью стала Евгения Оттен, крестным отцом — Лев Пумпянский. Евгения Оскаровна вспоминала:

Внизу, под самым куполом храма, была большая купель. Крестил ее протоиерей Николай Чепурин. Кроме меня, никого не было, даже крестного, Льва Васильевича (Пумпянского). Почему-то он не мог прийти. <...> А еще над купелью, помню, были два или три небольших окна. День 2 мая был пасмурный, но когда начался обряд Святого Крещения, тучи немного рассеялись, и в те окна упал солнечный свет. Хорошо помню, как Марию Вениаминовну окутало золотое сияние [Тиличеева, 108].

Таким образом, начало духовного пути Юдиной, связанное с поиском веры и жизни по вере, было отмечено обретением особого призвания, личного духовного дара, связанного с попыткой

сочетать искусство и христианскую веру: «Мне кажется, что у меня в жизни не только задачи обязательные для каждой христианской души — подготовка к Вечной жизни, но и задачи в искусстве, именно в той, а не иной его истине, которая вписывается в круг Истины общей и Вечной. Быть может, — это близорукость и гордость... Быть может, я тут заблуждаюсь...» [Юдина. *Лицо вечности*, 281]. Призвание, осознанное в юности, определило единство и целостность духовного пути Юдиной. Уже в конце 1960-х гг., когда она размышляла о возможности монашеского пострига, ее остановила все та же мысль об ответственности перед своим призванием и служением в этом мире:

Но, однако, есть во мне то, что не от меня, но во мне от Господа, и что Ему же служить и может, и должно — искусство и некоторое наличие мысли... И мне жаль, что и то, и другое гибнет — в неисчислимых заботах, отсутствии времени, отвержении, невнимании, забвении, непонимании... Вот почему я еще веду некоторую борьбу не за свое бытие, а за то, что ему присуще и дано именно мне, а не целому ряду «безгрешных старых лэди» (как где-то сказано у Диккенса)... Вероятно, эти милые лэди и войдут в рай раньше меня и вперед меня, но то, что дано от Бога на земле мне, то... им не дано... [Юдина. *Лицо вечности*, 53].

Церковная жизнь и поиски ответов на духовные вопросы

Анализ обширного эпистолярного наследия Марии Вениаминовны Юдиной позволяет выделить ряд важных вопросов, связанных с духовными исканиями. Над разрешением некоторых из них Мария Вениаминовна трудилась на протяжении всей своей жизни. Эти вопросы рождались и как реакция на ключевые исторические события, в гуще которых она находилась, и как следствие сокровенных экзистенциальных поисков, скрытых от внешнего наблюдения. Мы рассмотрим лишь некоторые из них:

- поиск духовного руководства;
- отношения церкви и советского государства;
- память об умерших.

Разрешение этих вопросов всегда было тесно связано с кругом общения, в котором она находилась. Среди тех, кто всерьез влиял на мировоззрение Юдиной, были выдающиеся представители православного духовенства. Выявить, как развивались и разрешались эти ключевые для Юдиной духовные вопросы, нам позволяет ее переписка в период с 1918 по 1970 г.

ПОИСК ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА

Сразу же после крещения у прот. Николая Чепурина «в поисках большей строгости» Мария Юдина начинает ходить в храм Спаса на Водах, настоятелем которого был прот. Владимир Рыбаков. Он знал более семи языков и всерьез занимался богословием. В течение нескольких лет после революции о. Владимир писал свой главный труд — «Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность», сопровождаемый колоссальным научным аппаратом. С. С. Аверинцев назвал работу прот. Владимира «совершенно оригинальным исследованием, выполненным на основе огромной работы с рукописным материалом» и до сих пор сохраняющим свою научную ценность. Паства прот. Владимира была обширной: люди самые разные по возрасту, сфере деятельности, интересам, социальному статусу. В письмах Юдиной не сохранились упоминания о характере духовного руководства о. Владимира. Известно, однако, что в те же годы она участвует в деятельности кружка «Воскресение».

В петроградский религиозно-философский кружок «Воскресение», объединявший философов, ученых, представителей творческой интеллигенции, Марию Юдину еще в 1918 г. ввела Е. О. Тиличеева. Юдина встретила в кружке хорошо известных ей по Невелю лиц, таких как М. М. Бахтин и Л. В. Пумпянский. Известно, что кружок собирался каждый вторник (его члены называли друг друга «вторничанами»). Обсуждаемые вопросы никогда не были ни чисто богословскими, ни литургическими. Они вращались вокруг освещения современных событий в духе христианства. Всех объединял интерес к поиску путей религиозного возрождения посредством синтеза христианства и социализма. Никакой определенной политической ориентации кружок не имел. Широкий состав кружка был довольно подвижен. Кто-то отпадал, но в то же время приходили новые люди, главным образом молодежь, привлекаемая теми из членов кружка, которые сохранили связь с преподаванием.

В 1918 г. на праздник Введения Богоматери основное ядро кружка (около 11 человек) основало братство «Христос и свобода», в состав которого предположительно входила и Юдина. Известно, что собрания начинались молитвенным правилом, в которое входили и церковные молитвы, и составленные членами братства. «Отче наш» всегда читали на трех языках: церковнославянском, латинском и немецком, в чайнии соедине-

ния церквей. Священников в кружке до 1925 г. не было, разве в виде случайных гостей на одном или двух собраниях. Широкий состав кружка по-прежнему собирался по вторникам, а члены братства по воскресеньям. Помимо кануна Введения, особым праздником для членов братства был день Сошествия Святого Духа. Праздники отмечались очень торжественно, с общей агапической трапезой, которая начиналась символическим вкушением хлеба и вина.

К сожалению, прямых свидетельств самой Марии Вениаминовны о ее участии в деятельности кружка не сохранилось, возможно, потому, что после ареста членов кружка в 1928 г. она сознательно уничтожала (и просила друзей уничтожить) письма с упоминанием ее «контрреволюционной деятельности» [Юдина. *Высокий дух*, 56]. Юдина вышла из состава кружка 2 декабря 1928 г. вследствие изменения устава кружка. Ее имя упоминается в «Деле А. А. Мейера», однако лично к следствию она не привлекалась.

Таким образом, уже в первые годы после крещения Юдина получает опыт как традиционного аскетического духовного руководства, жизни под руководством личного духовника, так и проявления общинного и соборного начала в устройении церковной жизни. В ее воспоминаниях «Немного о людях Ленинграда», написанных в 1946 г., есть восторженные слова, относящиеся не только к университетским учителям (Л. П. Карсавину, И. И. Толстому), но и к членам кружка «Воскресенье» (А. А. Мейеру, Г. П. Федотову, архим. Гурию (Егорову) и др.):

Я была счастлива, что в меня крепко были вложены некие основы интеллектуального и этического бытия вообще. <...> Я получила некие «ключи» к гуманитарному познанию вообще, необозримое поле мышления в целом, из коего могу черпать до гробовой доски... О, что это были за люди — и учителя, и ученики! То был поистине «цвет человечества!» Бескорыстие, трудолюбие, ответственность, активная доброта, сила мысли... О «карьере» не помышлял никто, все было подлинным, из чистого металла, без подделок. <...> И сколь многие из них погибли смертью мучеников... Нельзя не упомянуть, так сказать, глубоко склонившись пред их памятью [*Через музыку*, 86].

Наряду с участием в жизни кружка «Воскресение» Мария Вениаминовна регентует в храме Воскресения Христова (Спасана-Крови) и в 1926 г. посещает высшие богословские курсы при Эстонской православной церкви, где встречается преподававшего

там прот. Феодора Андреева. Строгая требовательность, простота обращения, сочетавшаяся с глубокой образованностью — все это привлекало к о. Феодору многочисленных прихожан из интеллигенции. В своем письме к супруге о. Феодора Наталье Николаевне (Фроловской) (1897–1970 гг.) академик Д. С. Лихачев вспоминал о священнике: «Знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую церковь, угол Литейного и Сергиевской, стекалась вся интеллигенция Петрограда». Отец Феодор регулярно участвовал в обсуждении докладов на собраниях Златоустовского кружка при Александро-Невском братстве [*Шкаровский*, 272].

Протоиерей Феодор духовно окормлял Юдину вплоть до своей кончины в мае 1929 г. В 1965 г. Мария Вениаминовна писала архимандриту Герасиму (Прокофьеву): «Руководство покойного отца Феодора было поистине суровой школой; был он замечательным проповедником и, имея семью, являлся человеком не от мира сего и весь пронизан был эсхатологическими чаяниями» [*Юдина. Нереальность зла*, 200]. К Юдиной прот. Феодор относился с уважением, но «позднее в семье он говорил, что она “недокрещенная”, имея в виду ее непрестанные поиски и независимость суждений» [*Лучи любви*, 546].

В 1927 г., благодаря прот. Феодору, М. В. Юдина знакомится со свящ. Павлом Флоренским, встречи и беседы с которым имели чрезвычайное значение для расширения ее духовного горизонта. В воспоминаниях об о. Павле Юдина писала: «Каким наслаждением было посетить с ним Античный отдел Эрмитажа или Ботанический сад; слышать его высказывания о голландской живописи; о Моцарте и Бахе; о Каролине Павловой; тот или иной фрагмент его творений; о Велимире Хлебникове; о растениях вообще; универсальность, синтезированная, всеобъемлющая — и тишина, прозрачная, как влага в хрустальной чаше, тишина его личности в целом...» [*Юдина. Через музыку*, 146]. Отец Павел слушал игру Юдиной и восхищался ею. С семьей Флоренских-Трубачевых Мария Вениаминовна дружила до конца жизни.

В 1928 г. в доме прот. Феодора Юдина познакомилась и с о. Анатолием Жураковским, который являлся вдохновителем и руководителем православной общины в Киеве. Для о. Анатолия община была «большой особой попыткой по-новому, по-небывалому устроить не какой-то уголок в жизни, не какое-то “дело”, но устроить самую жизнь во всем многообразии ее проявлений» [*Жураковский*, 32]. Из писем 1930 г. мы узнаем, что Юдина несколько

раз выезжала в Киев. Тот факт, что в рамках этих поездок Юдина не давала концертов, позволяет предположить, что целью визитов могло быть общение с о. Анатолием и его общиной.

В 1930 г. Мария Вениаминовна совершила несколько поездок в Москву. В одной из таких поездок она познакомилась со священником Михаилом Шиком, который к тому времени вернулся из ссылки в Средней Азии. Отец Михаил служил в различных храмах Москвы, в том числе в храме свт. Николая в Кленниках, а после того, как священник Владимир Амбарцумов принял попечение об общине храма свт. Николая у Соломенной Сторожки, он стал служить вместе с ним. Общение Юдиной со священником Михаилом Шиком длилось недолго, так как после объявления митром Сергием (Страгородским) о том, что митром Петром (Полянский), находящийся в заключении, уже не может считаться главой церкви, Амбарцумов и Шик, избегая скандала и запрещения в служении, уходят «за штат». Священник Михаил Шик уезжает в Малоярославец, куда Юдина не приезжала, но, по свидетельству дочери о. Михаила, Елизаветы Михайловны Шик, состояла с ним в переписке [*Шоломова, 161*]. Остается только сожалеть, что до сих пор эти письма не были обнаружены.

В 1930–1940-е гг., когда Мария Вениаминовна примыкала к «иосифлянской» группе «непоминающих», она посещала некоторые московские храмы, но не причащалась в них. Писем к духовенству в этот период исследователями обнаружено не было. Безусловно, переписка или даже упоминание духовного лица в письме грозило серьезными проблемами с органами безопасности. Но известно, что в 1956 г. благодаря Екатерине и Марии Крашенинниковым, общим знакомым Генриха Нейгауза и Бориса Пастернака, Мария Вениаминовна познакомилась с прот. Николаем Голубцовым, духовной дочерью которого была М. Крашенинникова.

Благодаря прот. Николаю Голубцову Юдина возвращается в официальную церковь и в дальнейшем становится не только его духовной дочерью, но и близким другом его семьи. С 1949 по 1963 гг. отец Николай был настоятелем храма Ризоположения на Донской улице. Он окормлял Юдину в течение восьми лет, заботливо учитывая всю сложность и противоречивость ее натуры. Прот. Николай Голубцов, переживший все тяготы антирелигиозной политики, сохранил доброе и милосердное отношение к людям. Мария Вениаминовна очень ценила попечение отца Николая. Она вспоминала: «...Восемь лет жизнь была под крылом,

под защитой, все несчастья переносились с некоей неизъяснимой облегченностью или иногда даже вовсе отступали, исчезали, как дым...» [Юдина. *Нереальность зла*, 199].

Период конца 1950-х — начала 1960-х годов связан в жизни Юдиной со знакомством и общением с архиепископом Сурожским Антонием (Блумом). Их общение началось в 1957 г., с момента, когда владыка Антоний начал приезжать в Москву. Их объединяла близость с кругом Скрябиных-Софроницких. Юдина посещала богослужения вл. Антония, слушала его проповеди, причащалась у него. «Что же касается моего — мало сказать — глубочайшего волнения — нет, именно потрясения личностью владыки Антония — то это очень ясно объяснимо: в нем я, как, вероятно, и все прочие люди, вижу образец христианского, православного наставника. Я как бы ослеплена блеском исходящих от него лучей. <...> Я оказалась примагничена именно его благодатной простотой...» [Юдина. *Через музыку*, 262]. Владыка Антоний был таким духовным наставником, которому Юдина могла задавать самые сокровенные духовные вопросы. Именно его она вопрошала: «Может ли христианская душа вымолить и выплакать — себе — ад, а если бы самому было бы предназначено спасение — отдать его — другому» [Юдина. *Лицо вечности*, 140].

Другой темой общения с вл. Антонием был экуменический вопрос. Мария Вениаминовна на протяжении своей жизни встречалась, общалась и дружила с представителями других христианских конфессий. Например, в 1950-е гг. ее секретарем была Ольга Макаровна Иванова. Она принадлежала к общине евангельских христиан. Ольга Макаровна не однажды приглашала Марию Вениаминовну в Молитвенный дом на богослужение. Мария Вениаминовна вспоминала, что они не вели догматических споров, а «разделяли то, что неотъемлемо для каждого христианина — Веру, Молитву и сильное внимание к людям». Однажды Ольга Макаровна спросила Марию Вениаминовну: «А иконы как портреты?» И получив относительно утвердительный ответ, на этом и успокоилась.

По мнению Юдиной, важную роль в движении к христианскому единству может сыграть объединяющая сила искусства. Она не раз говорила, что музыка соединяет, а не разделяет. Подтверждение этому можно найти в сохранившихся тезисах лекции-концерта в Московской духовной академии, которую она провела в 1966 г. Она считала важным высказать свои мысли о достижении христианского единства перед будущими пастырями:

Музыка может (и должна) служить и Соединению Церквей, ибо наличествуют невычитаемые из человеческого бытия образцы: Музыки Протестантской — Шютц, Бах, Букстегудэ, Хиндемит; Ветхозаветной — Гендель: «Мессия», «Израиль в Египте», Арнольд Шёнберг — оратории «Моисей и Аарон» и «Лестница Иакова»; Католической — Моцарт, хоровая культура Нидерландов и Италии XVI, XVII веков и, наконец, — наш современник Оливье Мессин [Юдина. *Лицо вечности*, 298].

В середине 1963 г. умирает прот. Николай Голубцов из храма Ризоположения на Донской, и она больше полутора лет остается без причастия, потому что не может найти себе нового духовника. Хотя в 1960-е гг. Мария Вениаминовна состояла в общении и переписке с прот. Всеволодом Шпиллером, прот. Александром Менем, прот. Александром Куликовым, архиеп. Леонидом (Поляковым), прот. Герасимом (Прокофьевым), но после смерти прот. Николая Голубцова близкие духовнические отношения складывались непросто.

Таким образом, можно сказать, что в целом Юдина была ориентирована на традиционный тип духовного руководства, всю свою жизнь искала близкого себе духовника. Однако в ее жизни длительные духовнические отношения не складывались, с одной стороны, в силу исторических обстоятельств, с другой, потому, что она не находила того, кто вполне отвечал бы ее идеалу пастыря-духовника. Мария Вениаминовна относилась к тому типу людей церкви и культуры, которые своим главным послушанием считали «свободное творчество» и, следовательно, им было нелегко вписываться в традиционные рамки приходского или монашеского духовничества. Не случайно одной из характеристик, данных прот. Феодором Андреевым Юдиной, была «недовоцерковленность». То, что отец Феодор считал недостаточной воцерковленностью Юдиной, возможно, было ее особым «типом религиозной жизни» [Скобцова, 68].

Лишенная возможности постоянного духовного окормления, Юдина открывает для себя другие пути духовно-практического руководства в церковной жизни: ориентацию на евангельское слово и на образцы общинной жизни. Так, из переписки Юдиной видно, что она обращается к Евангелию в трудных жизненных ситуациях, обосновывает им свою духовную деятельность, ищет аргументы в важных спорах. Некоторые евангельские строки определяют ее жизненное кредо, «практики духовного сопротивления». В одном из писем 1969 г. Юдина, размышляя о принципах

выстраивания своего духовного пути, писала: «Я стараюсь... держаться за тот или иной — “самый близкий” на данное время — Евангельский текст...» [*Лицо вечности*, 30]. Такие строки она называла «своими коленопреклонениями» в Евангелии.

Мы не располагаем сведениями об опыте общинной жизни Юдиной, но можем предположить, что общение со священником Анатолием Жураковским и священником Михаилом Шиком не могло не утвердить ее в восприятии подлинной жизни церкви как жизни общинной, тем более что это резонировало с ее внутренними интенциями. Еще в невеликий период своей жизни она писала: «все должны быть во Христе, частное благочестие не есть осуществление Царства Божия» [*Дневник*, 40]. Примечательно свидетельство духовной дочери отца Анатолия, ставшей ученицей Марии Вениаминовны в консерватории, Анны Артоболовской, которая так характеризовала отношение Юдиной к окружающим ее людям: «Для нее весь мир был общиной». В письмах духовенству, написанных за год до кончины, Юдина подчеркивала ценность общинного измерения церковной жизни: «Кажется, разнообразие и богатство понимания людей, друг друга и дает общинность, соборность, “софийность” (если угодно) христианского общества» [*Юдина. Лицо вечности*, 230].

Духовный путь Юдиной оказался неразрывно связан с историей страны и с историей православной церкви в XX веке, о чем свидетельствует характер вопросов, которые она решала на протяжении всей своей жизни. В первые послереволюционные годы, несмотря на начавшиеся гонения, русская церковь переживала обновление жизни, что во многом было связано с возрождением общинного и братского движения. В силу своей активной церковной позиции Юдина оказалась тесно связана со многими братскими движениями, общинами, религиозно-философскими кружками, а также с широким кругом выдающихся церковных деятелей. Среди духовных лиц, входивших в круг ее близкого общения, в первую очередь оказались люди, явившие в самих себе единство веры и культуры, отличавшиеся высокой нравственной жизнью, устремленные к ответственному историческому действию.

ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Период вхождения Юдиной в церковную жизнь Русской православной церкви совпал с началом гонений на церковь со стороны

советской власти. Как человек с активной жизненной позицией Юдина не могла оставаться в стороне от тех церковно-исторических коллизий, свидетелем которых она становилась. Поэтому еще одним вопросом, который ей приходилось решать на протяжении всей ее церковной жизни, стал вопрос об отношениях церкви и советского государства и о своем месте в этом противостоянии.

Русская православная церковь после революции 1917 г. пережила несколько переломных моментов. Особое место среди них занимает 1922 «расстрельный» год, связанный с возобновлением курса РКП(б) на разгром православной церкви. 23 февраля 1922 г. был издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Декрет открыл беспрецедентную по размаху кампанию изъятия церковных ценностей, а в дальнейшем и физического истребления лучших представителей духовенства. Формальным поводом для проведения кампании стал голод, охвативший Россию в 1921 году.

Именно к июлю 1922 г. относится одно из первых письменных свидетельств об участии Марии Юдиной в церковной жизни Петербурга. В своем письме композитору Ю.А. Шапорину она выразительно «умалчивает» о событии, которое не могло оставить ее равнодушной: «Я лишь вчера пришла в себя — когда был вынесен приговор — пришла в себя в том смысле, что напряженное ожидание перешло в отчаяние. Одно из самого ужасного — общественное равнодушие — глубокое, возмутительное» [Юдина. *Высокий дух*, 55]. Речь в письме идет о приговоре, вынесенном Петроградским революционным трибуналом 5 июля 1922 г. по делу о сокрытии при изъятии церковных ценностей. Десять обвиняемых были приговорены к расстрелу, в их числе митр. Петроградский Вениамин (Казанский). На самом деле непосредственной причиной ареста стала принципиальная позиция, занятая митрополитом в отношении «обновленцев».

Мария Вениаминовна как прихожанка храма Спаса-на-Крови, имевшая среди обвиняемых друзей, присутствовала на некоторых заседаниях во время слушания этого дела [Юдина. *Высокий дух*, 56]. Она несомненно понимала, что ее равнодушие к церковным событиям может быть замечено и приведет к опасным для нее последствиям. «Я скоро, должно быть, еду, — пишет она Шапорину, — папа меня ждет и боится, что я ухлопаюсь при такой работе и, чего доброго, угожу под суд. Уничтожьте это контрреволюционное послание немедленно» [Юдина. *Высокий дух*, 57].

В сентябре 1923 г. Юдина ездила в Москву, чтобы выразить свой протест и принять участие в заступничестве за арестованного в то время патриарха Тихона. Одно из писем этого времени она заканчивает словами «Ваша верная и преданная московская безумная» [Юдина. *Высокий дух*, 177].

Мария Вениаминовна проявляла и удивительную мудрость и дипломатичность. Так, когда в апреле 1925 г. в качестве профессора Ленинградской консерватории она должна была заполнить анкету, на вопрос о принадлежности или сочувствии какой-либо политической партии она дала следующий ответ: «Партия слишком серьезная вещь, чтобы ей можно было только сочувствовать — нужно содействие. Я, во многом соглашаясь с РКП, не могу ей принадлежать вследствие своих идеалистических и религиозных воззрений» [Юдина. *Через музыку*, 7].

После кончины Святейшего патриарха Тихона 7 апреля 1925 г. местоблюстителем патриаршего престола согласно его завещанию стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). А после ареста митр. Петра 10 декабря 1925 г. де-факто во главе Российской православной церкви стал митр. Сергей (Страгородский), заместитель патриаршего местоблюстителя. Его декларация от 29 июля 1927 года, провозглашавшая политику безусловной лояльности к коммунистическому режиму в СССР, вызвала смущение среди части священнослужителей и мирян. По стране стали распространяться обличительные послания, обращения, воззвания с критикой «Декларации», с осуждением церковной политики заместителя местоблюстителя.

Результатом недовольства стало появление в патриаршей церкви движения «непоминающих», отказавшихся от административного и духовного подчинения заместителю патриаршего местоблюстителя. Это движение не было оформлено организационно, однако в нем выделялась наиболее сильная и сплоченная «иосифлянская» группа, получившая название по имени своего руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). В иосифлянском духовенстве имелось особенно много идейных людей, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество.

Мария Вениаминовна, духовный отец которой прот. Феодор Андреев примкнул к «иосифлянам», впоследствии вспоминала об этой сложной эпохе церковной жизни: «В эти времена — как Вы, конечно, знаете, — писала она архим. Герасиму (Прокофьеву), — были церковные события и разделения на разные юрисдикции,

основы различия были очень глубоки и исконны; мы все волновались наподобие эпохи Вселенских Соборов» [Юдина. *Нереальность зла*, 200].

С 1927 по 1929 гг. о. Феодор состоял в клире собора Воскресения Христова (собор Спас-на-Крови). Он был арестован осенью 1928 г. вместе с другими священнослужителями и мирянами. Юдина глубоко переживала его арест, тяжелую болезнь, которая усугубилась после нескольких месяцев, проведенных во внутренней тюрьме ГПУ, а затем и преждевременную кончину. Мария Вениаминовна принимала самое активное участие в «иосифлянской» группе. По свидетельству писателя Б. А. Филиппова, члена религиозно-философского кружка С. А. Аскольдова «Братство св. Серафима Саровского» и активного участника «иосифлянской» группы, Юдина осуществляла поездки в лагеря и места ссылки к опальным иосифлянским епископам и привозила от них послания и наставления верным священникам и мирянам [*Пламенеющее сердце*, 160].

Многочисленные аресты и суды совершались над знакомыми и друзьями Юдиной не только по «иосифлянскому» движению, но и по кружку «Воскресение». Юдина испытывала чувство глубокой вины за то, что не была арестована вместе с ними. По воспоминаниям Б. А. Филиппова, она мучительно переживала: «Почти всех моих знакомых, по крайней мере, раз, но арестовывали... А сколько послали в лагерь! Вот и Вас, Борис, уже несколько раз арестовывали. А я ни разу даже в ГПУ вызвана не была...» [*Пламенеющее сердце*, 161]. На протяжении жизни она ожидала, что ее могут арестовать, но этого не произошло. О возможных причинах того, почему советская власть не применила к ней эту меру, сохранилось свидетельство знакомой Марии Вениаминовны по «иосифлянскому» движению В. Н. Яснопольской: «На одном из допросов... ..следователь вдруг заговорил о ней (Юдиной) с большим возмущением: “Она непременно хочет, чтобы мы ее арестовали — чтобы предстать мученицей в глазах Западной Европы, а вот мы ее и не арестуем!”» [Юдина. *Высокий дух*, 208]

Юдина по глубокому внутреннему убеждению, следуя за прот. Федором Андреевым, считала невозможным для себя причащаться в «сергианских» приходах и сохраняла свои убеждения на протяжении более чем 20 лет. Возвращение из «непоминающих» в Русскую православную церковь Московского патриархата, — стало для нее возможным только после смерти

митр. Сергия (Страгородского). Немалую роль в ее «переходе» сыграло свидетельство сестер Крашенинниковых — Екатерины и Марии.

Вопрос о допустимой мере компромисса в отношениях церкви к безбожной власти был прочно связан для М. В. Юдиной со свидетельством о личном достоинстве или недостоинстве представителей церковной иерархии. Она полагала, что компромисс, на который пошла «сергианская» церковь, привел к появлению в ней большого числа «недостойных владык». Поэтому важными для нее оказались приведенные Крашенинниковыми примеры епископов святой жизни из числа тех, кто не покидал или вернулся в официальную церковь. Вспомнили и пример о. Валентина Свенцицкого, который не принял митр. Сергия и увел свою паству в катакомбы. Но в ссылке пришел к убеждению, что местоблюститель Сергей своей политикой в отношении государства, не нарушив канонов церкви, спас ее от полного уничтожения. Перед смертью о. Валентин покаялся перед местоблюстителем и перед своей паствой в своем грехе и просил всех верующих вернуться в лоно Церкви.

Не менее важным аргументом в пользу «перехода» в легальную церковь стал для Юдиной вопрос о церковном единстве и полноте церковного общения в таинствах. Сестры Крашенинниковы утверждали, что христианину невозможно жить не причащаясь, и настаивали на том, что «для России катакомбы немислимы», потому что есть опасность вырождения в секты, «в которых будут нарушаться элементарные истины веры и воспитается страшнейшая карикатура на христианство» [*Пламенеющее сердце*, 490].

В 1956 г., через несколько месяцев после разговора с Крашенинниковыми, встречи и общения с прот. Николаем Голубцовым Мария Вениаминовна воссоединяется с церковью через исповедь и причащение.

На протяжении всей своей жизни М. В. Юдина старалась избегать компромиссов с властью, открыто гнавшей и преследовавшей церковь. Однако в разные периоды церковной истории ее сопротивление могло быть выражено по-разному: от прямого публичного протеста, позиции неприятия Декларации о лояльности советской власти, отказа от евхаристического общения с теми, кто перешел меру компромисса — до открытой проповеди религиозных убеждений, поддержки гонимых представителей церкви и культуры. Преследования со стороны власти продолжались до конца жизни Юдиной: в 1960 г. ее выгнали

из института Гнесиных, запретили выступать с концертной деятельностью; в 1968 г. ее сбила машина с номерами службы безопасности, что только по счастливой случайности не привело к гибели пианистки.

Церковно-исторические процессы, свидетелем и участником которых стала М. В. Юдина в 1920–1930-х гг., поставили ее перед непростым выбором: остаться в официальной церкви и принять прямой компромисс с властью или согласиться на подпольное и «нелегальное» существование, отрыв от полноты церковной жизни. По свидетельству Е. М. Шик, дочери сщмч. Михаила Шика, в этом распадении единой церковной жизни на два «русла» была внутренняя закономерность. Церковь пошла двумя путями, сохраняя внешнюю форму и, одновременно, сохраняя внутреннюю жизнь: «Если пересыхает река сверху, ее подпитывает та часть, что под ней, и наоборот. Так и тут: Господом были попущены два вида существования церкви. Один вид для людей, для массы людей, которые продолжали ходить в церковь» [Шик, 130]. Другой — «потаенная» церковь, для людей, «у которых совесть не позволяла мириться со злом внутри церкви» [Шик, 131] и кто пытался сохранить чистоту и бескомпромиссность нравственной жизни. В этой ситуации Юдина оказывается на стороне «непоминающих», выбирает бескомпромиссный путь. Причины этого выбора были обусловлены, с одной стороны, ее личными качествами: решительностью характера, высокими нравственными требованиями, предъявляемыми к себе и другим, готовностью до конца разделить путь вместе с духовно близкими людьми. С другой стороны, выбор Юдиной «потаенной церкви» был связан с определенными историческими закономерностями, с ее принадлежностью к тому кругу церковной интеллигенции, который не смог принять компромисса церкви и безбожной власти и попытался найти альтернативный путь церковной жизни.

ВОПРОС ПАМЯТИ ОБ УМЕРШИХ

Одной из самых экзистенциальных тем размышлений Марии Вениаминовны Юдиной стала тема памяти о живых и вечной памяти об ушедших. В дошедшем до нас издании книги Флоренского «Столп и утверждение Истины» с рукописными пометками Юдиной ее рукой подчеркнут текст, идущий вслед за рассказом о евангельском благоразумном разбойнике, который просил у Христа:

«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» — и услышал в ответ: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». «Иными словами, — отмечает Мария Вениаминовна, — быть помянутым Господом — это то же, что быть в раю. Быть в раю — это и значит быть бытием в вечной памяти и, как следствие этого, иметь вечное существование и, следовательно, вечную память о Боге: без памятования о Боге мы умираем; но самое-то наше памятование о Боге возможно чрез памятование Бога о нас» [Флоренский, 194].

Дар Божьей памяти о человеке был связан для Юдиной с долгом человеческой памяти. На протяжении последнего десятилетия, когда уходили из жизни самые дорогие ей люди, Мария Вениаминовна написала ряд воспоминаний о тех, кто особым образом повлиял на ее жизнь. Эти воспоминания об «умерших друзьях» друг Юдиной, отечественный инкунабуловед В. С. Люблинский, однажды назвал «акафистами», подчеркнув их исключительно позитивный характер. Отвечая Люблинскому, Юдина указала на иконописную природу своих воспоминаний, выявляющих духовный лик в портретах ушедших:

Не имея намерения специально всех восхвалять, вспоминая и повествуя о них, я непроизвольно опускала всё негативное. Я думаю, что это и правильно. «Сотри случайные черты», — как сказал Александр Блок в «Возмездии». — Тому же обобщению и учил великий наш современник, покойный Владимир Андреевич Фаворский [Юдина. Лицо вечности, 157].

Юдина хранила в своей молитвенной памяти большое количество имен и постоянно их помнила и поминала, присоединяя к ним краткие характеристики. Эти «помянные списки» встречаются в письмах, в неожиданных отступлениях в статьях, в лекциях, в словах, произнесенных со сцены. Среди ее личных бумаг был найден листок, на котором в 1970 г. она написала: «Мои дорогие умершие, усопшие, близкие и более далекие — за время с 31 марта 1963 г. (7 лет, 3 месяца и 3 недели = 87 месяцев). Вечная им память» [Юдина. Через музыку, 278]. Затем следует список из ста одного имени, напротив каждого из которых стоят буквы «Х» и «О», означающие — хоронила, заказывала отпевание. В упоминаемом синодике мы находим имена епископа Стефана (Никитина), патриарха Алексия I (Симанского), прот. Николая Голубцова, К. И. Чуковского, С. Я. Маршака, Г. Г. Нейгауза, Ю. А. Шапорина, А. А. Ахматовой, В. А. Фаворского, Н. Н. Андреевой и др.

Еще одним практическим преломлением темы памяти стали ее особые поминальные концерты. Д. Е. Мелехов, известный советский психиатр, верующий христианин, духовным отцом которого был сщмч. Сергей Мечёв, вспоминает об одном из таких концертов, проходившем в московской семье, в которой трагически погиб старший сын, 16-летний студент консерватории, подававший надежды пианист. Через несколько дней после смерти юноши Мария Вениаминовна пришла на квартиру к его родным, подготовив концертную программу, в которую входили произведения Моцарта, Бетховена, Брамса и Баха — с короткими пояснениями. Все стулья, диваны и кровати в двух небольших комнатах были заняты старшими из родных, друзей и знакомых. Молодежь сидела в комнатах и кухне прямо на полу. Мария Вениаминовна играла в течение 2–3 часов:

Все слушают, затаив дыхание. Кончает номером седьмым (*Lacrimosa*) из «Реквиема» Моцарта в транскрипции К. Салтыкова. Все серьезные, сосредоточены, кое-кто утирает слезы. Помню хорошо отца умершего: человек сильных и непосредственно выражаемых эмоций, он бросается на колени перед вставшей из-за рояля пианисткой и целует ей руки [Мелехов, 16].

По словам Мелехова, Юдина «владела тайной перехода через страдания к радости, превращения надгробного рыдания в песнь» [Мелехов, 22].

Юдина играла и над гробом, и потом, на ежегодных вечерах памяти. Играла обычно много и самозабвенно. О похоронах Юдина писала: «...я придаю этому последнему акту взаимосвязи на земле живого и покойного — большое значение» [Юдина. *Быть вместе*, 144].

Трагическая история России XX века обострила вопрос ценности исторической, личной и духовной памяти. В стране, где шло планомерное уничтожение людей, истреблялся не только человек, но и память о нем. Память становилась предметом идеологических спекуляций. Поэтому хранение памяти было осознано рядом людей церкви и культуры как особый долг и своеобразное служение. Поминальной молитвой по усопшим, безыменно погибшим становится позднее творчество А. А. Ахматовой. М. В. Юдина также принимает на себя миссию сохранения памяти об «ушедших» людях, старается открыть своим современникам тайну исцеляющей Божьей памяти. Труд памяти, свершаемый Марией Вениаминовной,

можно назвать ее духовным ответом на исторический вызов беспамятства XX века.

Заключение

Жизнь Юдиной осуществлялась в условиях, когда личность не могла свободно формироваться в соответствии со своим призванием, но переживала давление агрессивно настроенной среды. Необходимость противостоять силе тоталитарной власти М. В. Юдина осознала достаточно рано. Уже в январе 1930 г. она писала М. Ф. Гнесину:

Пусть реально власть кует что угодно, неизвестно, что останется от поистине безумного, взбесившегося размаха, но одно, думается, ясно — куется личность. Внутреннее сопротивление гибели... <...> Если сейчас сознавать себя свободным в рабстве, любящим среди ненависти, помнящим Бога среди атеизма, то значит, и свобода, и любовь, и вера — однажды восторжествуют; значит, можно прорваться сквозь колючую и ржавую... проволоку «кризиса идеологии» к самому себе, к тому «себе», который нужен всем [Юдина. *Высокий дух*, 171].

При этом путь отстаивания своей внутренней свободы никогда не приводил Юдину в ситуацию «внутренней эмиграции», социальной маргинализации, диссидентства.

Поставленную перед собой задачу «внутреннего сопротивления гибели» Юдина решала на протяжении всей своей жизни главным образом через заботу о ближних и дальних, концертную деятельность как христианское свидетельство и подвиг юродства. Советская эпоха диктовала свои модели личностного поведения, но Юдина сознательно игнорировала их, ориентируясь, в первую очередь, на образ Христа и евангельские примеры.

Каритативная и заботническая деятельность Юдиной заключалась в усилиях по отмене или хотя бы смягчению приговоров, вынесенных советским государством представителям церкви и культуры, в многосторонней заботе о гонимых, опальных и отверженных советским режимом людях разных страт, терпевших бедствие и голод. В условиях тотального страха и доноительства такое смелое поведение расценивалось как акт сопротивления и гражданского мужества.

Концертная деятельность М. В. Юдиной открывала перед ней возможности для христианского свидетельства, которое прояв-

лялось как в музыкальной интерпретации исполняемых произведений, так и в прямом обращении к слушателям в устном слове, предшествовавшем вступлениям. Прямое свидетельство о христианских основаниях мировой культуры, а иногда и прямое свидетельство о Боге было подвигом в условиях тотального контроля и идеологической цензуры.

Еще одной практикой духовного сопротивления М. В. Юдиной стало «юрродство» как форма обличения агрессивного зла, претендующего стать нормой жизни советского общества. «Юродство» проявлялось в нестандартном, непривычном для обывателей поведении, имеющем глубокие нравственные основания, во внешнем виде и быте, в поступках и высказываниях пианистки.

История России XX века ставила христиан перед вызовами, в контексте которых осуществлялся поиск путей духовного сопротивления, формировались духовные ответы на эти вызовы. Об этом свидетельствует опыт прпмц. Марии (Скобцовой), Симоны Вейль, Эдит Штайн и многих других мыслителей и деятелей XX века. Духовный путь Юдиной убедительно показывает, что ответы на вызовы, перед которыми поставила человека история XX века, могли быть найдены и внутри репрессивной тоталитарной системы. В то время как тоталитарное коммунистическое государство стремилось нивелировать человеческую личность, М. В. Юдина отстаивала ценность человека и боролась за каждого до конца, жертвуя собой и своим. В эпоху господства масс, обезличивающих человеческих сообществ Юдина стремилась восстановить общение, построенное на глубоко личностных основаниях, о чем свидетельствует обширный круг ее общения и переписки. Имя Марии Вениаминовны Юдиной по праву может быть вписано не только в культурную или церковную историю России XX века, но и в важнейшую историю ее духовного сопротивления.

Источники и литература

1. *Жураковский* = Священник Анатолий Жураковский : Материалы к жизни / [Сост., вступ. ст. П. Г. Проценко]. Paris : YMCA-Press, 1984. 227 с.
2. *Лучи любви* = Трубачев С. З. В общении с Флоренским // Юдина М. В. Лучи божественной любви : Литературное наследие. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 300–309. (Российские Пропилеи).
3. *Мелехов* = Мелехов Д. Е. Памяти М. В. Юдиной // Невельский сборник. Вып. 13. СПб. : Акрополь, 2008. С. 10–22.

4. *Пламенеющее сердце* = Филиппов Б. А. Бесстрашие христианина : (Из воспоминаний) // Пламенеющее сердце : Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников. М. : Центр гуманитарных инициатив; СПб : Университетская книга, 2009. С. 157–163. (Зерно вечности).
5. *Скобцова* = Мария (Скобцова), мон. Типы религиозной жизни / Предисл. прот. Сергия Гаккеля. М. : СФИ, 2002. 68 с.
6. *Тиличиева* = Тиличиева Е. О. Полный синтез Ветхого и Нового Заветов // Вспоминая Юдину / Авт.-сост. А. М. Кузнецов. М. : Классика-XXI, 2008. С. 108–109.
7. *Флоренский* = Флоренский Павел, прот. Столп и утверждение истины. М. : Путь, 1914. 812 с.
8. *Шик* = Шик Е. М. Негромкое, но действенное противостояние тоталитарной системе: жизнь семьи православного священника при сталинском режиме // В ком сердце есть — тот должен слышать время... : Русская катастрофа XX века и перспективы преодоления ее последствий. Вып. 2. М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2013. С. 100–133.
9. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Александро-Невское братство : 1918–1932 годы. СПб. : Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. 272 с.
10. *Шоломова* = Шоломова С. Б. Запечатленный след. М. : Осанна, 2011. 202 с.
11. *Юдина. Быть вместе* = Юдина М. В. В искусстве радостно быть вместе : Переписка 1959–1961 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 814 с. (Российские Пропилеи).
12. *Юдина. Высокий дух* = Юдина М. В. Высокий стойкий дух : Переписка 1918–1945 гг. М. : РОССПЭН, 2006. 654 с. (Российские Пропилеи).
13. *Юдина. Дневник* = Юдина М. В. Невельский дневник // Она же. Вы спасетесь через музыку : Литературное наследие. М. : Классика XXI, 2005. С. 25.
14. *Юдина. Лицо вечности* = Юдина М. В. Перед лицом Вечности : Переписка 1967–1970 гг. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 591 с. (Российские Пропилеи).
15. *Юдина. Нереальность зла* = Юдина М. В. Нереальность зла : Переписка 1964–1966 гг. М. : РОССПЭН, 2011. 675 с. (Российские Пропилеи).
16. *Юдина. Через музыку* = Юдина М. В. Немного о людях Ленинграда // Она же. Вы спасетесь через музыку : Литературное наследие. М. : Классика XXI, 2005. С. 79–84.

S. M. Burlaka

M. V. Yudina's Spiritual Journey

Maria Veniaminovna Yudina (1899–1970) went down in the history of the XX century Russian culture as a world-renowned pianist, tutor and musical figure. Less known are the circumstances of her spiritual and church life. However, Maria Yudina, a person of rare integrity, did not split these areas of her life. In their unity, these form what could be called her 'spiritual journey', allowing her to get maturity in spite of the total ideological pressure and to spiritually resist the 'anthropological disaster'. The article discusses the major milestones of this journey: searching and finding faith, church life and her quest for answers to spiritual questions.

KEYWORDS: history, confessorship, music, culture, spiritual guidance, memory, resistance.